

УДК 930

Щупленков О.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия)

Щупленков Н.О., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия)

ОБСУЖДЕНИЕ В ЛИГЕ НАЦИЙ ПРОЕКТА КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 1930 ГОДА

Гаагская конференция 1930 года была самым масштабным проектом Лиги Наций по содействию кодификации международного права. В период экономической депрессии перед мировым сообществом встала проблема разоружения. В статье рассматриваются причины неудачи конференции. Во-первых, рассматриваются условия, которые содействовали активному участию юристов международного уровня в разработке программных документов. Во-вторых, рассказывается о судьбе Конференции, подчеркиваются проблемы процедурного определения мероприятия и основные разногласия между представителями. Цель настоящего исследования — дать общее представление о проекте и его «расследовании» в Гааге, сосредоточив внимание на 1) эволюционном моменте, которого Лига Наций должна была достичь в сознании сообщества, и их взаимосвязи, с утверждением кодификации в качестве цели; 2) работа Комитета, назначенного Лигой Наций, и развитие Конференции 1930 г. и 3) последствия результатов проекта и их влияние на дебаты среди юристов в среднесрочной перспективе, особенно в контексте переосмысления формулы Организации Объединенных Наций. Наконец, подводится итог существующим разногласиям по поводу источников, национального характера и целей, которое должно было представлять международное право.

Ключевые слова: Гаага, кодификация, Комитет, конференция, Лига Наций, международное право, проект.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-119-131

Введение. Проект кодификации международного права Лига Наций получил очень мало внимания со стороны все более сложной историографической картины международной организации, созданной после Первой мировой войны. В конференции по кодификации международного права, состоявшейся в Гааге в марте и апреле 1930 года, приняло участие значительное количество юристов, дипломатов и организаций, необязательно связанных с правительствами или самой международной организацией, которые пытались преодолеть препятствия, мешавшие осуществлению этого проекта, многочисленных различий, разделявших самих участников, вовлеченных в дискуссию.

Участие юристов из области международного права, заинтересованных в

поиске консенсуса, привлекает внимание современных исследователей, с позиции определения причин к становлению этого проекта с историографической точки зрения, подчеркивая его «ограниченные юридические результаты», в то же время, который, несомненно, способствовал укреплению авторитета этого проекта [22; 24]. Тем не менее, использование возможности мирного решения проблемы мира и войны на уровне всего мирового сообщества может оказаться полезным с нескольких точек зрения. Во-первых, он предлагает нам ценную демонстрацию несоответствия между ожиданиями, на которые надеялись межвоенные представители государств, и практическими трудностями в их реализации в области, которая, по-видимому, так же важна для

устремлений Лиги Наций, как и юридическая. Во-вторых, в нем особенно четко раскрываются практические последствия все еще зарождающегося дисциплинарного развития международного права, которое стремилось интегрировать в очень сложный сценарий часто противоречивой логики двух основных существующих правовых традиций: англо-американской и континентальной.

На пути к универсалистскому международному праву, или Лига Наций как ожидание «мирового общественного мнения»

Дебаты о создании Лиги Наций во время Первой мировой войны принесли с собой веру в возможность формирования «мирового» или «международного общественного мнения» среди «цивилизованных» стран [7; 17]. Тем не менее, первые годы существования организации в условиях послевоенного периода и реконструкции были отмечены определенным недоверием к универсализму и, следовательно, к проекту кодификации.

С самого начала существования Лиги Наций представители государств, подобные лорду Сесилу, демонстрировали свое неприятие возможности того, что организация сосредоточит свои усилия на кодификации международного права. Для британского юриста, в то время представлявшего Южную Африку, кодификация представлялась «очень опасным проектом» [1, р. 50; 10], поскольку, по его мнению, международному общественному мнению еще не удалось достичь «хладнокровия, необходимого для предотвращения того, чтобы такая инициатива привела к серьезным последствиям для становления международного права» [23, р. 178]. Очевидно, Сесил не только говорил сам за себя, но и отражал точку зрения, широко разделяемую в политических кругах Лондона. Точно так же генеральный секретарь Лиги Наций Э. Драммонд, похоже, также не был слишком благосклонен к проекту [12, р. XXXI]. В результате этой атмосферы скептицизма и

несмотря на предложения таких групп, как консультативный комитет, который подготовил Статут Постоянной Палаты правосудия. На международном уровне в первые годы существования организации не рассматривалось никакой альтернативы, кроме продолжения курса, начатого Гаагскими конференциями 1899 и 1907 годов. В феврале 1921 года итальянский юрист Д. Анцилотти, который в конце десятилетия должен был стать председателем Суда, распространил среди своих коллег меморандум, в котором предупреждал, что, если Лига Наций не справится с задачей кодификации, Соединенные Штаты возьмут на себя инициативу по проекту [12, р. XXXI].

Уведомление Анцилотти не привлекло особого внимания его коллег, но оно и не вызвало особого разочарования. С 1889 года Панамериканские конференции регулярно продвигали проекты по кодификации регионального международного права. Актуальность чисто «американского» международного права вызвала немало споров среди самих юристов Латинской Америки [5]. В любом случае не подлежит обсуждению то, что Соединенные Штаты принимают участие в этой кодифицирующей работе, частично руководствуясь своими собственными политическими интересами в регионе.

Со своей стороны, в первые годы существования Лиги Наций дебаты в Европе, безусловно, были склонны к возможности облегчить сосуществование между организацией и региональными или континентальными особенностями, но не доходили до такой степени, чтобы поставить под угрозу Женевский проект. В 1922 году Институт международного права, ведущая научная организация в области европейского правового интернационализма с 1873 года, способствовал проведению консультаций между своими членами, предлагая им выбор между сосуществованием нескольких лиг континентальных наций или единой Лиги наций с региональными подразделениями. Весьма

симптоматично, что большинство членов выбрали именно этот вариант: даже несмотря на недавний отказ Сената США ратифицировать вступление страны в организацию и даже несмотря на маячащую на горизонте тень статьи 21 Пакта, которая по-прежнему подрывает способность государств-членов принимать участие в выборах. Соединенные Штаты апеллируют к доктрине Монро; европейские представители по-прежнему верили в возможности, которые предлагала модель, созданная Лигой Наций [8].

1923 и 1924 годы принесли с собой то, что греческий дипломат Н. Политис назвал «давлением фактов» [20, р. 209–210]. Правовые проблемы, такие как вопрос об ответственности государств перед Международным сообществом, в итоге привели к тому, что европейцы-интернационалисты не смогли преодолеть собственные разногласия, что спровоцировало протест представителей ряда государств в связи с неспособностью Лиги Наций взять на себя ответственность за последствия инцидента, совершенного итальянскими офицерами на Корфу [14, р. 162]. В то время также начали ставиться под сомнение масштабы исключительной компетенции государств в их внутренних делах и их практические последствия. Точно так же европейским юристам было не привыкать к тому, что одним из аргументов, приводимых в Соединенных Штатах для отказа от их членства в Постоянной Палате правосудия, было то, что они не были исключены. Международная проблема заключалась в том, что международное право еще не получило «определенности и точности кодифицированного права» [20, р. 193–194].

В этих условиях была создана благоприятная питательная среда для того, чтобы в сентябре 1924 года шведская делегация на Пятой Ассамблее во главе с Э. Марксом фон Вюртембергом представила проект резолюции, направленный на продвижение «одного из самых важных

начинаний в области миростроительства» [26, р. 135]. То, что инициатива исходила от Швеции, не было чем-то странным, учитывая, что шведская делегация в лице Я. Брантинга была той, кто наиболее резко отреагировал в Совете на отказ Италии подчиниться Лиге Наций выступившей в пользу Конференции в споре о независимости Корфу [8, р. 75]. Что особенно бросается в глаза, так это то, что в самом проекте было очевидно, что сторонники этой идеи прекрасно осознавали ограниченность своей цели, вплоть до того, что М. фон Вюртемберг утверждал, что необходимо «подчеркнуть невозможность, вопреки мнению некоторых теоретиков, разработать кодекс международного права, за исключением довольно отдаленного будущего» [23, р. 179]. Отсюда предложение о том, чтобы развитие было «прогрессивным» и касалось в основном вопросов, в отношении которых уже были приняты «великие принципы права народов».

22 сентября 1924 г. Ассамблея приняла резолюцию, требующую от Совета создания комитета экспертов, которые «не только индивидуально обладают необходимыми качествами, но и являются представительным органом основных форм цивилизации и основных правовых систем мира» [28, р. 5]. Комитету было поручено выполнить три задачи. В качестве первого шага он должен был подготовить предварительный перечень вопросов, регулирование которых он считал наиболее желательным и осуществимым. Во-вторых, он должен был изучить мнения, высказанные правительствами государств, которым Секретариат Общества направил список. Наконец, представить Совету доклад, в котором он определит, какие темы достаточно «созрели» для их кодификации, а также процедуру, которой следует следовать при подготовке возможной конференции для этой цели [28]

Совет сформировал группу из семнадцати юристов и дипломатов из разных

стран, некоторые из которых не являются членами Лиги Наций, таких как Германия или Соединенные Штаты. Первоначальный план Й. ван Хамеля, директора юридического отдела Секретариата, заключался в создании очень небольшого комитета в составе пяти видных юристов, пользующихся международным признанием. Тем не менее, Драммонд настаивал на создании гораздо большего комитета, чтобы попытаться удовлетворить как можно большее число государств, особенно в том, что является очень репрезентативным для достижения целей: в той степени, в какой он осознавал растущее признание различий между различными традициями мусульманского мира, он считал необходимым включить в него евреев из мусульманского мира [14, р. 64].

Это стремление к интеграции при отборе членов комитета также нашло отражение в участии представителей неевропейских стран, таких как сальвадорский юрист Х. Густаво Герреро, который, несмотря на (или именно из-за) своего «полупериферийного» положения отстаивает универсалистскую концепцию международного права, основанную на фундаментальном подходе, основанном на хронологическом делении [2]. По мнению Герреро, зарождение науки о международном праве характеризовалось появлением индивидуальных инициатив, распространенных по всему миру, которые выступали за кодификацию международного права как залог успеха внутренних кодификаций государств. Однако подобные попытки заканчивались неудачей, создавая атмосферу недоверия, вызванную трудностью этих попыток уточнить право, которое должно быть кодифицировано. Впоследствии в развитии международного сотрудничества возникла вторая проблема: континентальная активность, базирующаяся в основном в Америке. По мнению Герреро, таким образом он отмежевался от проектов кодификации, продвигаемых Д. Брауном Скоттом и его латиноамериканскими партнерами [6, р. 136–139].

Продвижение фрагментарного международного права привело к ошибочному и вредному представлению о том, что «в Америке, как и везде, международное право является единым и неделимым» [8, р. 12]. Наконец, для сальвадорского юриста, который станет президентом Ассамблеи и Постоянной Палаты международного правосудия, Лига Наций вступила в третий период, период универсальной деятельности. Взяв проект по кодификации под свой контроль, международная организация «откроет новые возможности и продемонстрирует свой истинный характер» [8, р. 15–16].

По мнению Джона Б. Уиттона, перед Соединенными Штатами стояли три возможности: изоляционизм, панамериканизм или интернационализм. Хотя эти два последних не обязательно были взаимоисключающими, обращает на себя внимание четкое понимание Уиттоном тенденций Панамериканских конференций и Лиги Наций. Принимая во внимание, что панамериканизм, с его точки зрения, характеризовался отсутствием единства, институциональной слабостью и чувством «разочарования» со стороны некоторых латиноамериканских государств из-за отсутствия понимания проблемы политики вмешательства США; со своей стороны, панамериканский коммунизм, по его мнению, не был универсальным, Лига Наций располагала «политическими полномочиями [...] Суда правосудия [...] согласительного органа». Столкнувшись с такой перспективой, панамериканизм оказался «очень далек от создания подлинного общества государств. Его нельзя сравнивать с Лигой Наций» [25].

Вклады, подобные действиям Герреро или Уиттона, показывают, что начало работы комитета экспертов, особенно в сочетании с проблемами, возникшими в Гаване в 1928 году, породило в определенных кругах реальные надежды на возможный успех кодификаторского проекта в новых универсалистских или действительно

международных рамках, в отличие от более скептического первоначального взгляда или аргументов, подтверждающих необходимость адаптации Лиги Наций к региональной или континентальной логике [22]. Но этот взгляд на это явление будет неполным, если не учесть тяжелую работу, проделанную комитетом, особенно в период с 1925 по 1927 год.

Основная инициатива по кодификации, выдвинутая Лигой Наций: Гаагская конференция 1930 г.

Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права впервые собрался в Женеве с 1 по 8 апреля 1925 года. В самом общем плане первые обсуждения касались необходимости избежать использования всеобъемлющей идеи кодификации, чуждой и без того устоявшимся обычаям, с целью не форсировать согласование норм, которые не могли бы вызвать достаточного консенсуса. Голоса, принадлежащие к большему числу меньшинств, тем не менее, были склонны прилагать более творческие усилия и выступать за продвижение кодификации в более широком смысле [24]. В основе этого разногласия лежали споры о том, была ли поставленная задача кодификацией в «англосаксонском» стиле — понимаемой как компиляция уже существующих норм — или чем-то другим.

В этот момент возникли споры о возможной аналогии с внутренним кодированием, которые, во всяком случае, также не привели к каким-либо серьезным выводам. Хотя Председатель комитета, швед Я. Хаммаршельд, напомнил о скромных целях, с которыми его страна представила свой проект резолюции (задача кодификации заключалась не столько в разработке кодекса как такового, сколько в попытке обеспечить межгосударственные соглашения, особенно по вопросам более или менее принятыми принципами международного права), при первых намеках на рассматриваемый тип кодификации он отметил, что «обязанность [...] комитета

заключалась не только в кодификации в строгом или англосаксонском смысле этого слова [...]. Тем не менее комитет мог бы работать на широкой основе. Он мог бы вносить предложения с прицелом на кодификацию, изменение и дополнение международного права, и он должен был сосредоточить свои усилия, прежде всего, на дополнении и изменении» [13, р. 11].

Два аспекта этих первых тактов очень бросаются в глаза. Во-первых, настойчивое стремление некоторых юристов, особенно американца Викаршема, с самого начала предварительной работы как можно скорее привлечь к этой задаче другие институты, занимающиеся изучением международного права. Таким образом, в первый день заседаний было решено заручиться сотрудничеством Американского общества международного права, Международного морского комитета и Общества сравнительного правоведения. Следует также отметить настойчивость самого Герреро с первых шагов в вопросе, который, по всей видимости, будет резонировать с его интересами в Гааге пять лет спустя: в нем подчеркивается необходимость «единодушного одобрения» государствами при рассмотрении норм как «кодификации международного права» [13, р. 8]. С этой целью он считал необходимым оставить в стороне соображения политического характера, а именно то, что поиск разделения между правовым и политическим измерениями также был постоянным в этом первом тактичном подходе.

Первая задача, возложенная на Комитет Пятой Ассамблеей, заключалась в подготовке предварительного перечня вопросов, рассмотрение которых было сочтено желательным и осуществимым. По предложению француза А. Фромажо [13, р. 23]. было решено составить первый предварительный список, поручив подкомитету, состоящему из трех членов, принять и объединить вопросы, предложенные каждым из присутствующих юристов [21, р. 23].

В итоге было согласовано одиннадцать тем для начала периода консультаций с правительствами по каждому из вопросов. К ним относятся: гражданство, территориальные воды, дипломатические и консульские привилегии и иммунитеты, иммунитет правительственных судов, экстрадиция, ответственность государств за преступления, совершенные против иностранцев, заключение договоров, противодействие пиратству, истечение срока давности, эксплуатация морской продукции и преступления, совершенные за пределами территории из одного государства. В ходе дебатов по отбору этих вопросов были затронуты такие аспекты, как форма признания правительств, предложенная президентом Х. Леоном Суаресом и расцененная многими членами комитета как чрезмерно политическая, хотя и не прямо неспособная регулироваться правовыми средствами [13, р. 38–39]. В то же время предложение итальянца Д. Диены о приобретении или утрате прав по истечении срока давности вызвало достаточный консенсус, хотя был назначен подкомитет, призванный расширить международный аспект этой концепции. Хотя сам Диена утверждал, что исковая давность, применяемая к территории, существует в международном праве, ссылаясь на дело об арбитраже между Испанией и Германией в отношении Каролинских островов, а сам Хаммаршельд ссылаясь на узукапцион как на принцип, используемый в спорах о морских границах между Швецией и Норвегией, Викаршем полностью отверг это требование подозревая наличие возможной связи принципа с международным правом, в то время как немец В. Шюкинг рассматривал признание этой фигуры как шаг назад, возвращающий к идеям, более свойственным идеям, существовавшим до Французской революции [6, р. 57–58].

Несмотря на то, что это была проблема, имеющая большое практическое значение, и тот факт, что в настоящее

время происходят серьезные изменения, было ясно, что это не так. В соответствии с двусторонними договорами в этой связи большинство аспектов, касающихся экстрадиции, были отклонены комитетом: не было единого мнения о типах нарушений, которые могли бы ее мотивировать, или ни о какой процедуре, которая должна быть установлена. Как отметил британский юрист Д. Л. Брайерли, процессуальные нормы, касающиеся экстрадиции, представляют собой деликатный вопрос, учитывая различия между Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, с одной стороны, и континентальным востоком — с другой. «Расхождение» — отмечал профессор Чичеле из Оксфорда «глубже, чем если бы они были просто процедурными вопросами» [13, р. 110]. Согласно докладу, подготовленному компетентной подкомиссией, в случае запроса об экстрадиции державы требуют доказательств, подтверждающих предъявленное заинтересованному лицу обвинение в запрашиваемой стране.

С 22 марта по 2 апреля 1927 года Комитет провел свою третью сессию в Женеве. Целью было изучение ответов на вопросы, полученные от правительств, подготовки доклада для представления Совету. На документы, направленные Комитетом, ответили около тридцати правительств, и эта цифра считается большой. Тем не менее, материалы, с которыми столкнулись юристы, были несколько разочаровывающими: очень разнородными, по словам Хаммаршельда, который, несмотря на это, был настроен оптимистично; по мнению вице-президента Диены были высказаны предположения, что составление вопросов затрудняло получение ответов [9, р. 668]. Кроме того, протоколы предыдущих заседаний были распространены в Ассамблее в 1926 году, и, по мнению вице-президента Диены, они были «в высшей степени кулуарными», что вызвало критику в отношении механизма рассылки правительствам

вопросников, исходящих не от Комитета в целом, а от различных подразделений, состоящих только из нескольких его членов [15, р. 204].

Тем не менее, с учетом полученных ответов и в связи с тем, что на обсуждение были вынесены новые вопросы, которые, в свою очередь, привели к появлению новых вопросников, которые будут пересмотрены в 1928 году (в отношении таких вопросов, как подделка валюты или коллизия законов, касающихся местожительства), Комитет положительно проинформировал Совет о «зрелости» семи учений. Тем же 2 апреля 1927 года Хаммаршельд направил Конгрессу Лиги краткую записку, сопровождаемую всеми отчетами по анкетам, в которой отмечалось, что рассмотрение этих анкет «подтвердило мнение Комитета о том, что, говоря обобщенным языком, вышеупомянутые вопросы, в рамках которых они рассматривались, должны быть рассмотрены, что касается пределов, указанных в каждом из вопросников, то они в настоящее время, выражаясь словами круга ведения, являются достаточно “зрелыми”» [15, р. 4–5].

Ассамблея на своем заседании 27 сентября 1927 г. поручила Комитету завершить всю работу, уже начатую на его следующем заседании. Таким образом, июньская встреча 1928 года, наиболее показательная из всех, едва ли послужила для изучения предложения парагвайской делегации в Ассамблее, которое было несколько отклонено, и для рассмотрения последних представленных вопросов, которые, по логике вещей, не должны были быть доступны ни для каких целей, поскольку они не были подготовлены, так как конференция была уже закрыта. Главной темой заседания Ассамблеи стала хроника объявленного завершения, поскольку уже на предыдущем заседании сам Хаммаршельд настаивал на срочности достижения результатов, принимая во внимание серьезные финансовые трудности, с которыми пришлось столкнуться

коллегам, которые, среди прочего, не были реализованы, он мог собираться более одного раза в год и не имел возможности даже опубликовать и распространять свои труды [15, 1928, р. 202].

Э. Драммонд так обобщил причины символического и финансового характера, по которым Гаага была выбрана в качестве места проведения Конференции в своей инаугурационной речи: «Все признают, что было правильным выбрать местом проведения Конференции Нидерланды, где проживает Гроций и многие другие, получившие признание в изучении и практике права международного. Я не раскрываю никакого секрета, когда говорю, что в целом Совет Лиги Наций очень неохотно, по финансовым и другим причинам, созывает Конференции такого масштаба где-либо, кроме Женевы. Тем не менее в данном случае целесообразность проведения Конференции в Гааге была настолько очевидна, что административные трудности были преодолены, во многом, я должен добавить, благодаря щедрой помощи правительства Нидерландов» [14, р. 16].

В Конференции приняли участие полномочные представители стран, входящих в Совет Лиги Наций, а также представители Соединенных Штатов, Бразилии, Египта, Ирландии, Мексики, Монако, Турции и Союза Советских Социалистических Республик (в последнем случае только в качестве наблюдателей). Почти с самого начала, как это уже было заявлено в некоторых моментах в Комитете, стало очевидным сочетание слабого разграничения процедурных норм (мандат Ассамблеи 1927 г. ограничивался призывом к принятию норм «большинством голосов») и отсутствия определенности в отношении того, что понимается под «кодификацией международного права» (мандат Ассамблеи 1927 г.), от Ассамблеи 1927 г. требовался «дух кодификации», который не обязательно ограничивался простым изложением существующих норм за что

выступали многие юристы, особенно в англосаксонской сфере, другими словами, делегаты столкнулись с проблемами, очень похожими на те, с которыми сам Комитет сталкивался на протяжении всей своей предыдущей работы.

Первый комитет Конференции, Комитет, посвященный коллизионным законам, касающимся гражданства, впервые собрался 17 марта. Наиболее серьезными проблемами, возникшими в ходе подготовительного периода, были правовая неопределенность, порождаемая такими явлениями, как двойное гражданство или безгражданство, и, в частности, проблемы, связанные с приобретением или утратой гражданства на основании брака. В этом последнем пункте подчеркивается одна из характерных черт Лиги Наций: поддержки неправительственных организаций, заинтересованных в различных областях [19, р. 189–190].

От парадигмы кодирования к парадигме «прогрессивного развития»

Идея «прогрессивного развития», уже выдвинутая перед идеей кодификации, вытеснила последнюю [21, р. 216–220]. Некоторые говорят, что различие, проводимое органами Организации Объединенных Наций, является академическим и бесполезным, поскольку «на международном уровне кодификация оставалась простым доктринальным стремлением до 1930 года и фактически до создания Комиссии международного права» [18, р. 15], и поскольку различать, где заканчивается прогрессивное развитие и где начинается кодирование, которое, в свою очередь, не будет чистым кодированием, оказывается невозможным.

Опыт 1930 года, по мнению Брайерли, показал невозможность свести такую тему, как кодификация международного права, к техническому вопросу. Без предварительного согласования с правительствами основных направлений вопросов, подлежащих кодификации — и, следовательно, необходимых уступок,

которые должны быть сделаны в международном праве, юристы не могут в одиночку заниматься проектом, подобным тому, который был одобрен Ассамблеей в 1924 году. Таким образом, проявляя особую чувствительность к «континентальному» взгляду, он заявил: «У нас возникает соблазн думать, что кодификация — это дешевый метод установления международного порядка, который юристы могли бы легко применить для мира, если бы им показали, насколько это отчаянно необходимо. Но это огромная галлюцинация. Ответственность не может так легко ложиться на плечи юристов. Юристы могут помочь; они могут выполнять самую утомительную работу, но ответственность лежит на всех нас, и, конечно, в особенности на лидерах наций» [3, р. 4].

Со своей стороны, другой бывший член Комитета экспертов, бельгиец Ш. де Вишер, в 1955 году предложил опереться на опыт прошлого, чтобы извлечь уроки из Гааги, с целью предупредить, что «в настоящее время возможности для кодификации международного права, осуществляемой на универсальном уровне, очень велики», поскольку «противоречие, существующее между правовыми концепциями, с которыми сталкиваются в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, даже по самым фундаментальным вопросам, дело дошло до такой степени, что любое предприятие такого рода должно считаться опасным для развития международного права» [4, р. 159]. Ретроспектива из Гааги, представленная юристом, особенно интересна, поскольку он признал, что атмосфера Конференции была «вымышленной»: разногласия, которые не могли быть открыто разрешены в их истинном, политическом плане, для Де Вишера были скрыты «под тенденциозным представлением о действующем праве» [4, р. 159].

Тем не менее, профессор Гантес также выделил уроки позитивного характера, особенно в связи с проблемой,

возникшей в ходе подготовительной работы, принуждая юристов, входивших в их состав, «заново исследовать основания для определения норм, которые слишком легко считать неоспоримыми», или «индивидуализировать или конкретизировать право» [4, р. 160]. В устах континентального юриста последнее особенно актуально, учитывая, что тем самым он признавал, что право не подлежит сомнению, что он был вынужден придать своей работе менее абстрактный или схематичный вид, «приближая проблему к международной жизни, рассматриваемой во всем ее разнообразии и во все возрастающей сложности» [4, р. 160].

В том же году, когда де Вишер опубликовал второе издание своей книги, Г. Лаутерпахт вел диалог с вышеупомянутым фрагментом, удивляясь тому, что кто-то столь здравомыслящий, как бельгийский юрист, называет кодификацию чем-то опасным. Меняя порядок терминов в названии своей статьи, Лаутерпахт призывал к кодификационной работе, пилотируемой ограниченным кругом государств [1, р. 39]. И он делал это, кроме того, ссылаясь на учения 1930 года, которые предупреждали нас, что «Конференция была бы более зрелищной, если бы ее организаторы избрали простой путь для кодификации технических и других вопросов, которые не вызывали бы возражений, вместо того, чтобы три темы, уже загруженные и не требующие обсуждения» [1, р. 33].

Заключение. Как и в случае с Лигой Наций в целом, несмотря на то, что практически все материалы, представленные в Конференции по кодификации международного права 1930 года, направлены на то, чтобы подчеркнуть ее провал, мы сталкиваемся с очень важным объектом исследования, который приближает нас к различным проблемам между международным правом и помогает нам лучше понять политический ландшафт второй половины двадцатых годов и состояние

развития юридической науки, особенно внутреннего права — в то время это был сеньориал.

История Комитета экспертов, действовавшего в период с 1925 по 1928 год, свидетельствует о практических трудностях, связанных с удовлетворением ожиданий, которые никогда не существовали столь явно. Мандат, предоставленный Комитету, был чрезмерно общим, и его членам приходилось на ходу решать, как его реализовать, в условиях, когда давление, связанное с необходимостью реагировать на запросы общественного мнения, сочеталось с ограниченными ресурсами, учитывая сложность проекта. Огромные усилия, приложенные в разграничении тем и в сборе документации в контакте с правительствами, хотя и не принесли ожидаемых результатов в согласовании, способствовали обновлению в рамках интернационалистской доктрины, которая со временем стала все более популярной.

И предыдущие работы, и сама Конференция, и даже дискуссии в последующие десятилетия, были отмечены проблемами при определении самой идеи кодификации, которые Организация Объединенных Наций решила, придав большее значение термину «прогрессивное развитие» международного права. К этой проблеме добавилась, вследствие непонимания собственных последствий того, что предполагало кодификацию, большая трудность при согласовании правила большинства или, в данном случае, единогласия, которым должна руководствоваться работа.

Говоря более предметно, Конференция 1930 г. была ареной противостояния между различными способами понимания права (англосаксонское или общее юридическое мышление по сравнению с континентальным, что в то время было непреодолимой дихотомией), а также различные политические концепции (Новый свет против старой Европы; современность

против традиций). Часто три разногласия смешивались друг с другом, а в случае политических столкновений можно сказать, что в некоторых случаях довольно неудачно. Но это был не просто конфронтационный сценарий. Это был также этап, на котором были представлены делегаты из

стран, не являющихся членами Лиги Наций, и голоса женских гражданских организаций, которые имели возможность изложить свое видение по такому важному вопросу, как приобретение и утрата гражданства на основании брака.

Список литературы

1. Armstrong D. The League of Nations // From Versailles to Maastricht: International Organisation in the Twentieth Century. Londres: Macmillan. 1996. Pp. 33–61.
2. Arnulf B. Mestizo International Law: A Global Intellectual History 1842–1933. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 420 p.
3. Brierly L.J. The Codification of International Law // Michigan Law Review. 1948. № 47. Pp. 2–10.
4. Charles de Visscher: Teorías y realidades en Derecho internacional público (2. ed. 1955). Barcelona: Bosch. 1962. 534 p.
5. Domínguez H.B. Cimientos inestables: los juristas latinoamericanos y el debate sobre la codificación del Derecho internacional en 1930 // América Latina y el internacionalismo ginebrino de entreguerras: implicaciones y resonancias, Ciudad de México, Acervo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México. 2019. Pp. 129–157.
6. Domínguez H.B. La Sociedad de Naciones y el proyecto de codificación del derecho internacional (1924–1930) // Ayer. 2023. Vol. 131. № 3. Pp. 51–78.
7. Gomez-Mampaso S.S.M.B. La codificación del derecho diplomático: una perspectiva histórica // Comillas Journal of International Relations. 2016. № 6. Pp. 61–70.
8. Guieu J.-M. The Debate about a European Institutional Order among International Legal Scholars in the 1920s and its Legacy // Contemporary European History. 2012. № 21(3). Pp. 319–337.
9. Hudson M. The Progressive Codification of International Law // American Journal of International Law. 1926. № 20 (4). Pp. 655–669.
10. L'Ordre International: Hier — Aujourd'hui — Demain Paperback — January 1. 1945. 176 p.
11. Lauterpacht H. Codification and Development of International Law // American Journal of International Law. 1955. № 49 (1). Pp. 16–43.
12. League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928): Documents. 1972. 836 p.
13. League of Nations: Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law. Minutes of the First Session. Ginebra, League of Nations. 1925. 522 p.
14. League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. Vol. I. Plenary Meetings. Ginebra, League of Nations. 1930. 1661 p.
15. League of Nations. Report to the Council of the League of Nations on the Questions which Appear Ripe for International Regulation // American Journal of International Law. 1928. № 22 (1). Pp. 4–38.
16. League of Nations. Resolution adopted by the Assembly of the League of Nations at its Meeting Held on Monday, September 22nd, 1924 // American Journal of International Law. 1928. Vol. 22. № 1. URL: <https://www.jstor.org/stable/i312445> (дата обращения: 29.02.2024).
17. Neff S. Justice among Nations: A History of International Law, Cambridge, Harvard University Press. 2014. 628 p.

18. Pellet A. Between Codification and Progressive Development of the Law: Some Reflections from the ILC // *International Law Forum du droit international*. 2004. № 6. Pp. 15–23.
19. Peters A., Peter S. International Organizations: Between Tech-nocracy and Democracy // *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2012. Pp. 170–197.
20. Politis N. Les nouvelles tendances du Droit international. Paris: Librairie Hachette. 1927. 249 p.
21. Ruda J.M. El desarrollo progresivo del derecho internacional y su codificación en la Carta de las Naciones Unidas // *Academia. Revista sobre enseñanza del Derecho*. 2010. № 16. Pp. 215–227.
22. Shabtai R. Introduction // *League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928)*. Vol. I. Nueva York, Oceana Publications. 1972. 488 p.
23. Societádelle N. Dieci Anni di cooperazione internazionale. Prefazione di Sir E. Drummond. Roma, Anonima Romana Editoriale. 1930. Pp. 267–284.
24. Wertheim S. Reading the International Mind: International Public Opinion in Early Twentieth Century Anglo-American Thought // *The Decisionist Imagination. Sovereignty, Social Science and Democracy in the 20th Century*. New York, Berghahn Books. 2018. Pp. 27–63.
25. Whitton J. B. La sixième conférence Panaméricaine // *Revue Générale de Droit International Public*. 1929. № 36. Pp. 5–39.
26. Wickersham G. The Progress of Codification under the Auspices of the League of Nations // *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*. 1926. № 20. Pp. 121–135.

DISCUSSION OF THE DRAFT CODIFICATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEAGUE OF NATIONS IN 1930

The Hague Conference of 1930 was the largest project of the League of Nations to promote the codification of international law. During the period of economic depression, the world community faced the problem of disarmament. The article discusses the reasons for the failure of the conference. Firstly, the conditions that facilitated the active participation of international lawyers in the development of policy documents are considered. Secondly, it tells about the fate of the Conference, highlights the problems of the procedural definition of the event and the main differences between the representatives. The purpose of this study is to give an overview of the project and its "investigation" in The Hague, focusing on 1) the evolutionary moment that the League of Nations was supposed to achieve in the consciousness of the community, and their relationship, with the approval of codification as a goal; 2) the work of the Committee appointed by the League of Nations and the development of the 1930 Conference. and 3) the implications of the project results and their impact on the debate among lawyers in the medium term, especially in the context of rethinking the United Nations formula. Finally, the existing disagreements over the sources, national character and objectives that international law was supposed to represent are summarized.

Keywords: The Hague; codification; Committee; conference; League of Nations; international law; project.

References

1. Armstrong D. (1996). *The League of Nations. From Versailles to Maastricht: International Organisation in the Twentieth Century*, Londres, Macmillan, 33–61.
2. Brierly L.J. (1948). The Codification of International Law. *Michigan Law Review*, 47, 2–10.
3. de Visscher C. (1962). *Teorías y realidades en Derecho internacional público* [Theories and realities in public international law], (2. ed. 1955), Barcelona, Bosch.
4. Domínguez H.B. (2019). Cimientos inestables: los juristas latinoamericanos y el debate sobre la codificación del Derecho internacional en 1930 [Unstable foundations: Latin

American jurists and the debate on the codification of international law in 1930]. *América Latina y el internacionalismo ginebrino de entreguerras: implicaciones y resonancias*, Ciudad de México, Acervo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México, 129–157.

5. Domínguez H.B. (2023). La Sociedad de Naciones y el proyecto de codificación del derecho internacional (1924–1930). *Ayer*, 131, 51–78.

6. Gomez-Mampaso, S.S.M.B. (2016). La codificación del derecho diplomático: una perspectiva histórica. *Comillas Journal of International Relations*, 6, 61–70.

7. Guieu J.-M. (2012). The Debate about a European Institutional Order among International Legal Scholars in the 1920s and its Legacy. *Contemporary European History*, 21(3), 319–337.

8. Hudson M. (1926). The Progressive Codification of International Law. *American Journal of International Law*, 20 (4), 655–669.

9. L'Ordre International: Hier — Aujourd'hui — Demain — January 1. 1945.

10. Lauterpacht H. (1955). Codification and Development of International Law. *American Journal of International Law*, 49 (1), 16–43.

11. League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928): Documents. 1972.

12. League of Nations: Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law. (1925). Minutes of the First Session, Ginebra, League of Nations.

13. League of Nations. (1928). Report to the Council of the League of Nations on the Questions which Appear Ripe for International Regulation. *American Journal of International Law*, 22 (1), 4–38.

14. League of Nations. (1928). Resolution adopted by the Assembly of the League of Nations at its Meeting Held on Monday, September 22nd, 1924 // *American Journal of International Law*, 22, 1, from <https://www.jstor.org/stable/i312445>

15. League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. (1930). Vol. I. Plenary Meetings, Ginebra, League of Nations.

16. Lorca Arnulf B. (2014). *Mestizo International Law: A Global Intellectual History 1842–1933* [Mestizo International Law: A Global Intellectual History 1842-1933], Cambridge, Cambridge University Press. 2014.

17. Neff S. (2014). *Neff. Justice among Nations: A History of International Law*, Cambridge, Harvard University Press.

18. Pellet A. (2004). Between Codification and Progressive Development of the Law: Some Reflections from the ILC. *International Law Forum du droit international*, 6, 15–23.

19. Peters A., Peter S. (2012). International Organizations: Between Tech-nocracy and Democracy. *The Oxford Handbook of the History of International Law*, Oxford, Oxford University Press. Pp. 170–197.

20. Politis N. *Les nouvelles tendances du Droit international* [New trends in International law], París, Librairie Hachette. 1927.

21. Ruda, J.M. (2010). El desarrollo progresivo del derecho internacional y su codificación en la Carta de las Naciones Unidas. *Academia. Revista sobre enseñanza del Derecho*, 16, 215–227.

22. Shabtai R. (1972). Introduction. *League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928)*. Vol. I. Nueva York, Oceana Publications.

23. Societádelle N. (1930). *Dieci Anni di cooperazione internazionale*. Prefazione di Sir E. Drummond, Roma, Anonima Romana Editoriale [Ten years of international cooperation.

Preface by Sir E. Drummond, Rome, Anonima Romana Editoriale]. Pp. 267–284

24. Wertheim S. (2018). Reading the International Mind: International Public Opinion in Early Twentieth Century Anglo-American Thought. *The Decisionist Imagination. Sovereignty, Social Science and Democracy in the 20th Century*. New York, Berghahn Books. Pp. 27–63.

25. Whitton J.B. (1929). La sixième conférence Panaméricaine. *Revue Générale de Droit International Public*, 36, 5–39.

26. Wickersham G. (1926). The Progress of Codification under the Auspices of the League of Nations. *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*, 20, pp. 121–135.

Об авторах

Щупленков Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия), e-mail: oleg.shup@gmail.com

Щупленков Николай Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия), e-mail: veras-nik@yandex.ru

Shchuplenkov Oleg Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Yessentuki (Russia), e-mail: oleg.shup@gmail.com

Shchuplenkov Nikolai Olegovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Yessentuki (Russia), e-mail: veras-nik@yandex.ru